

„Обнаженная“ въ театрѣ Незлобина.

Французскіе драматурги не лишены остроумія.

Они не ищутъ для своего театра пьесъ съ такими выкрутасами мысли и чувства, которые заставляютъ актера или актрису, отчаявшихся попятъ свою роль, «валить» ее плочумъ, къ ужасу автора и недоумѣнію публики.

Рецептъ сочиненія французскихъ репертуарныхъ пьесъ простъ и въ то же время гениаленъ.

Болѣе или менѣе занимательная фабула, вѣскольно драматическихъ ситуаций, пусть даже избытыхъ, пять-шесть жандармовъ фигуръ «для обстановки» и затѣмъ роль героини, написанная такими смутными, неясными штрихами, которые все представляютъ дорисовывать таланту актрисы.

Батайлъ не исключеніе среди своихъ собратьевъ по перу. Блестящій техникъ своего ремесла, онъ создаетъ кинуву для драмы, рамку для образа своей героини... Самаго образа ея онъ не рисуетъ, не ищетъ вѣщихъ словъ для выраженія ея душевныхъ переживаній.

Перечитайте роль Люлеты и вы изумитесь тому, до какой степени бѣднѣ лексиконъ словъ, отпущенныхъ въ ея распоряженіе авторомъ.

«Люблю», «любишь», «не любишь», «страдаю» во всѣхъ наклоненіяхъ и «сердце» во всѣхъ падежахъ...

Расчетъ безошибочный.

Если актриса бездарна, роль останется, какой ее создалъ авторъ, — пустымъ мѣстомъ. Но бездарная актриса некаптитъ и вдохновенно и ярко написанный образъ.

Если актриса даровита, она станетъ своей яркой личностью на пустое мѣсто, оставленное авторомъ для героини, и потрясется театръ, видя любовь и страданія живого человѣка.

Загремятъ рукоплесканія, и авторъ пожнетъ то, чего онъ не сѣялъ.

Такой успѣхъ пожалуй вчера въ театрѣ Незлобина Батайлъ, и этотъ успѣхъ былъ созданъ ему только г-жей Рошиной-Инсаровой.

Въ самомъ дѣлѣ, что далъ авторъ артисткѣ?

Только повѣсть простую и не новую, о скромной натурщицѣ, съ сердцемъ любящимъ и непосредственнымъ, связавшей свою судьбу съ художникомъ, который пошелъ въ гору и котораго у нея отнимаютъ богатство, слава и соблазны большого свѣта.

Какъ мы уже говорили, «обнаженная» беззащитная душа любящей женщины едва намѣчена авторомъ, но и въ этихъ смутныхъ штрихахъ чувствуется наклонность къ манерности, къ фальшивой мелодрамѣ...

Однимъ смѣлымъ натискомъ, однимъ взмахомъ сметаешь Рошина-Инсарова слезливую французскую куклу и на ея мѣсто создаетъ образъ необычайной яркости, проникновенной правдивости и потрясающей силы.

Смѣлымъ красивымъ жестомъ артистка откинула покровы, пѣтъ, скорѣе намъ открыла глаза на «обнаженную», трещащую любовью и страданіемъ женскую душу.

Просто и трогательно такъ, что обезоруживаетъ даже зараженного спобизмомъ зрителя, и смѣло...

Своеобразно такъ, что восхищаешься, вѣскольно озадаченный, и смѣло.

Смѣло... еще и еще разъ хочется пменно этимъ словомъ охарактеризовать игру артистки.

И рамка приличная на этотъ разъ у г-жи Рошиной-Инсаровой.

Сдержанно и вдумчиво играетъ на этотъ разъ г. Максимовъ художника Бернье.

Старательно, хотя и неувѣренно, какъ бы въ пониженномъ тономъ, г-жа Тихомирова передаетъ княгиню де-Шабранъ.

Болѣе или менѣе удачны остальные многочисленные персонажи, но яркій образъ, созданный г-жей Рошиной-Инсаровой, не потерялъ бы своей красоты и въ болѣе скромной рамкѣ.

Г-жа Рошина-Инсарова имѣла огромный успѣхъ. Было много цвѣтовъ и подношеній.

Н. О.